

РУБИНОВЫЙ ЛЕС

КРИСТАЛЬНЫЙ ПИК

АНАСТАСИЯ ГОР
РУБИНОВЫЙ
ЛЕС
ДИЛОГИЯ

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г67

Художественное оформление *Ольги Левиной (Sceit-A)*

Карта в глоссарии *Анны Лужецкой (Aaerynn)*

Дизайн переплёта *Кати Петровой*

Гор, Анастасия.

Г67 Рубиновый лес : дилогия / Анастасия Гор. — Москва : Эксмо, 2024. — 928 с. : ил.

ISBN 978-5-04-203626-2

Земли Круга охватывает страшная напасть — в таинственном красном тумане бесследно исчезают люди. Он подступает всё ближе к королевским стенам, но совет тревожно молчит: никто не знает, что делать.

Драгоценная принцесса Рубин и дракон Солярис, привязанный к ней проклятием, отправляются в опасное путешествие, чтобы разобраться с нависшей угрозой. Им предстоит пересечь целый континент, попасть на драконий остров и выяснить, что же на самом деле произошло в ночь Мора — в ночь трагедии, с которой началась вражда между драконами и людьми.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-203626-2

© Гор А., текст, 2024
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо»,
2024

РУБИНОВЫЙ

ЛЕС

*Посвящается моему папе,
который научил короля Ониса
безмерно любить свою дочь,
а Медвежьего Стража — защищать
слабых.*

*Мы встретимся
в Надлунном мире.*

ПРОЛОГ

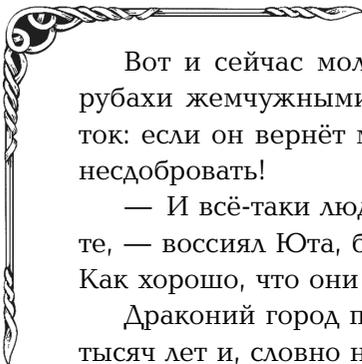
оловину жизни Солярис считал, что ненавидит людей. Эта ненависть началась с молока. — Ты будешь пить, братик?

Юта смотрел на него глазами, полными надежды, и давился голодной слюной так, будто не видел еды месяцами. Несмотря на то что домашний стол всегда ломился от сахарного тростника, инжирных пирогов и прочих сладостей, ничто не могло превзойти вкуса топленого молока, на поверхности которого ещё плавали несцеженные сливки. Солярис прекрасно знал это, ведь знаменитая драконья слабость к молоку не обошла стороной и его. Однако он караулил разноцветные телеги купцов у главных ворот и отстаивал длинные очереди вовсе не ради себя, а ради того, чтобы сказать:

— Нет, я ведь купил его для тебя.

Юта ахнул и, поколебавшись лишь секунду для приличия, жадно приник ртом к тонкому горлышку, выхватив у Соляриса бурдюк. С его вылупления прошло всего-навсего несколько лет, потому он легко забывался от восторга: внезапно отращивал хвост в приступах радости, а иногда и вовсе не мог совладать с собственными конечностями, будто впервые принял человеческий облик.

Вот и сейчас молоко залило ему всё лицо, скатываясь под ворот рубахи жемчужными каплями, на что Сол рассмеялся, доставая платок: если он вернёт младшего брата в таком виде домой, то им обоим несдобровать!

— И всё-таки люди готовят самое вкусное топлёное молоко на свете, — воссиял Юта, быстро опустошив бурдюк почти до самого дна. — Как хорошо, что они привозят его к нам в Сердце!

Драконий город под названием Сердце существовал больше десяти тысяч лет и, словно настоящее сердце, что билось в груди каждого живого существа, никогда не умолкал. Здесь трещали раскалённые угли под ступнями сородичей, кружащихся в танце, и пахло острыми специями, привезёнными из далёких краёв. Здесь каждый второй норювил напоить тебя медовухой, а каждый третий приходился тебе дальней роднёй. Здесь вращались искусные механизмы, изобретённые Старшинами, и сгорали пёстрые ткани, не выдерживая внутреннего жара тех, кто был в них одет. Здесь ковалось лучшее в мире оружие и эхом пела свирель, будящая раньше рассвета. А ещё здесь можно было купить всё на свете — от самого дорогого дейдрейанского льна до вкуснейшего топлёного молока.

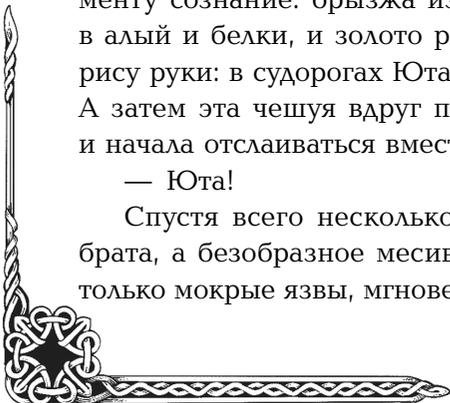
Всё это существовало столетиями... Но исчезло за одну ночь.

8

— Братик... Мне что-то нехорошо...

По лицу Юты больше не текло молоко — по нему текла кровь. Солярис судорожно искал на теле брата раны, но их не было — кровоточил сам Юта, везде и отовсюду сразу. Тёмно-бордовая кровь лилась у него изо рта и носа, сочилась из-под ногтей. Она пузырилась на подбородке и, капая на ступени, шипела на камнях, источая пар. Эта кровь была слишком горячей даже по меркам драконов, в чьих жилах пылал солнечный огонь: Солярис несколько раз обжётся до волдырей, пытается обнять Юту за плечи и остановить то, что остановить было невозможно.

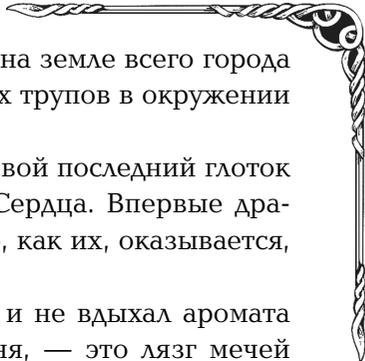
— Смотри на меня, Юта! Я здесь!

Но брат не увидел бы его, даже если бы ещё не потерял к тому моменту сознание: брызжа из-под век, кровь залила ему глаза, окрасив в алый и белки, и золото радужки. Серебряная чешуя порезала Солярису руки: в судорогах Юта лихорадочно покрывался ею то тут, то там. А затем эта чешуя вдруг порвалась на нём, как изношенная одежда, и начала отслаиваться вместе с кожей и мясом от самых костей.

— Юта!

Спустя всего несколько минут Солярис держал на руках уже не брата, а безобразное месиво. Ни лица, ни чешуи, ни золотых глаз — только мокрые язвы, мгновенно разложившаяся плоть и молоко, проли-

тое из бурдюка вместе с Мором. Таких бурдюков на земле всего города лежало немерено, как и маленьких окровавленных трупов в окружении плачущих матерей.

Ночь Мора, когда тысяча детёнышей сделала свой последний глоток молока, стала самой громкой ночью в истории Сердца. Впервые драконы выли как волки и ненавидели так же сильно, как их, оказывается, ненавидели люди.

Больше Солярис никогда не слышал свирели и не вдыхал аромата острых специй. Всё, что окружало его с того дня, — это лязг мечей и кровь сородичей, в которой утопали тлеющие пёстрые ткани.

«Докажи, что драконов, рождённых в Рок Солнца, негаром считают особенными. Не погведи Старших. Не погведи Юту!»

Пролетая над лесом — последним, что отделяло Соляриса от замка Дейдрре, — Сол едва сдерживал тошноту: сладость бузины смешалась со смрадом смерти. Он видел горящие факелы меж заснеженных деревьев и слышал рёв, с которым драконы вгрызались в воинов королевского хирда. Несколько сородичей погибло прямо на лету, подкошенные снарядами баллист, и Солярис взмыл ввысь, под самые облака, чтобы избежать удара. Как бы он ни хотел помочь, война не его удел.

Его удел — отмщение.

Кожистые крылья отбрасывали маслянистые тени, сгущая темноту, и, слившись с ней, Солярис быстро миновал гудящий лес. Тот стал рубиновым от крови, как и его любимый город.

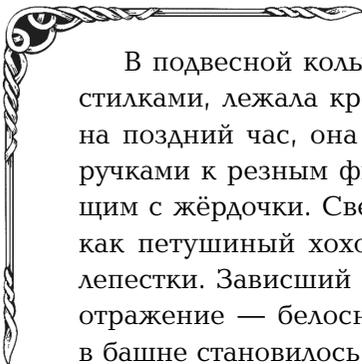
«Война никогда не закончится, если мы не покажем человеческому роду, каково это — терять своих детей!»

Солярису минуло всего полвека: пускай тело уже окрепло, но едва ли он смог бы задавить и лошадь. На свете жили драконы гораздо крупнее, и если раньше Сол мечтал вырасти до их размеров, то теперь гордился своей худощавой комплекцией: именно она позволила ему пересесть все девять туалетов и остаться при этом незамеченным. Благодаря ей же он бесшумно приземлился на синюю крышу башни-донжона, что возвышалась над замком Столицы в туалете Дейдрре, сложил крылья и протиснулся в единственное стрельчатое окно.

Витражные стёкла посыпались с башни вместе со снегом.

Люди — жестокие, порочные звери, что хуже болезней... Но в этом крошечном существе, которое Солярис обнаружил в центре башни, не было ни порока, ни элементарных представлений о нём. Она пахла сливками и овсяным печеньем, как сладкое лакомство в зимний Эсбат, и даже не закричала, когда он спрыгнул с широкого подоконника и приземлился перед ней на передние лапы.

Человеческий детёныш. Значит, вот как они выглядят.

В подвесной колыбели, набитой лебяжьим пухом и меховыми подстилками, лежала крохотная девочка трёх месяцев от роду. Несмотря на поздний час, она не спала, но и не плакала тоже. Лишь тянулась ручками к резным фигуркам животных из черёмухи и ольхи, свисающим с жёрдочки. Светлые волосы цвета морского песка топорщились, как петушиный хохолок, а глаза оттенком напоминали васильковые лепестки. Зависший над колыбелью Солярис видел в них собственное отражение — белоснежного зверя, пышущего жаром, из-за которого в башне становилось душнее, чем в городской бане, — но ничего больше. Драконы в этом возрасте не только гораздо крупнее, чем люди, но и умнее — они, по крайней мере, уже умеют бояться.

Солярис встrepенулcя, вспомнив о том, зачем он здесь, расправил крылья и медленно занёс когтистую лапу. Дитя-то совсем мелкое, тоньше рыбёй косточки... Одного удара вполне хватит, чтобы рассечь тельце пополам, а хлёткого удара хвоста — чтобы разломать вместе с кроваткой. Острая чешуя не оставит живого места.

Люди истребляют его род — он истребляет их. Они уничтожили беззащитных детёнышей — он отвечает тем же.

Солярис повторил это про себя несколько раз.

Люди истребляют его род — он истребляет их. Они уничтожили беззащитных детёнышей — он отвечает тем же. Они совершили зло — и он... он тоже совершает зло.

Огонь мира сего, какой же в этом смысл?!

— Схватить его!

На миг Солярис перестал видеть в глазах ребёнка васильковые лепестки и своё отражение — он увидел огонь. Такой же беспощадный, как война, и такой же рубиново-красный, как та кровь, что брызнула из его крыльев и боков, которые обвила стальная цепь.

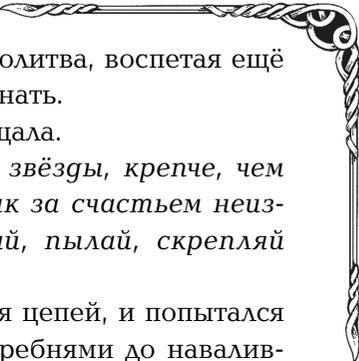
Что за скверна? Это он принёс её с собой?..

— *Сияй, мерило небесное, зажги сердца своих сыновей!*

Солярис услышал хруст своих костей, топот дюжины воинов хирда и женское пение, несущее древний сейд. В тот момент боги навсегда отвернулись от него и обернулась судьба. У неё был невинный детский лик, но жилистые женские руки, пропитанные соком священных трав и помеченные ритуальными шрамами. Эти же руки крепко держали веретено, перебирали нити и связывали их так же, как связывали души.

— *Пылай, мерило небесное, согрей утробы своих дочерей!*

Королевская вельва кружила вокруг Соляриса, пригвождённого к полу, — босая, погружённая в транс, заляпанная его солнечной кровью и расцвеченная ожогами от неё, как краской. Солярис узнал эту

песнь — единственная существующая драконья молитва, воспетая ещё Первым Старшим, которую людям не положено знать.

Но вельва не просто знала её — она её извращала.

— *Скрепляй, мерило небесное, горячее, чем звёзды, крепче, чем закалённая сталь. Как река впадает в море, как за счастьем неизбежно горе, так два становятся одним. Сияй, пылай, скрепляй и будь неразрушим!*

Солярис взвился, растягивая лязгающие звенья цепей, и попытался раскрыть крылья, чтобы дотянуться костяными гребнями до навалившихся на крепления воинов. Ярость, скопившаяся в грудной клетке, уже подкатывала к горлу жарким огнём. Он собирался выдохнуть её — выдохнуть и сжечь дотла весь замок раньше, чем вельва закончит его проклинать, — но костяное остриё веретена оказалось быстрее.

Удивительно, сколь легко вельва пробила его толстую чешую, которая была не по зубам даже метательным копьям. Солярис рухнул на брюхо как подкошенный: боль прошла всё тело от груди до хвоста и показалась Солу такой сильной, будто в него и впрямь засадили копьё.

Воздух сотряс пронзительный детский плач. Очевидно, костяное веретено настигло не его одного.

— Дракон Солярис, в Рок Солнца рождённый, дарован принцессе Рубин, рождённой в Ночь Мора. Сияй, сверкай, скрепляй!

Вельва знает не только их молитву? Она знает... его самого?

И тогда Солярис понял: боги не просто отвернулись от него — они уготовили ему участь, что хуже смерти.

— А ты куда меньше, чем я ожидала, — сказала вельва, склонившись над Солярисом так низко, что, если бы не очередная цепь, обмотавшаяся вокруг его морды после попытки выдохнуть пламя, Сол бы откусил её разукрашенное лицо. — Впрочем, для госпожи так даже лучше.

— Виланда, — позвал кто-то. — Ну что там?

— Я закончила. Её последняя воля исполнена.

Солярис не услышал, что и кому она сказала дальше, — цепи почему-то ослабли, когда вельва бросила окровавленное веретено на пол. Недолго думая, Сол воспользовался этим: встал на дыбы, подбросил в воздух несколько кричащих воинов и, ударив вельву наотмашь хвостом, бросился к окну. Затем, не оглядываясь, оттолкнулся от рамы, усыпанной витражными стёклами, расправил крылья в прыжке...

И камнем упал вниз.

1

КОРОЛИ И БОГИ

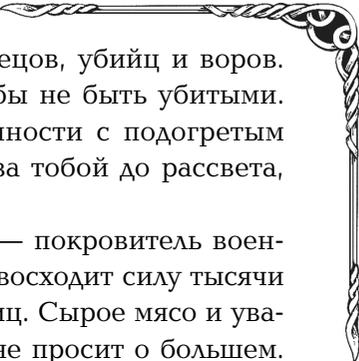

нашем мире сердцами людей правит четвёрка богов. Каждому из них принадлежит своя сторона света.

На Севере восседает Волчья Госпожа — мать холодов и древнего сейда, из которого вёльвы, её верные жрицы, плетут нити человеческих судеб. За Госпожой всегда следует стая верных волков, вскормленных её собственным грудным молоком, а путь им устилают травоворожея и животные кости. Поклоняться Госпоже означает поклоняться женской мудрости и тем силам, что должны оставаться недостижимыми для людей.

На Западе звонко смеётся Кроличья Невеста, пробираясь через вербеновые поля, — олицетворение детства, влюблённости и проказливых игр. Она несёт за собою весну, а потому не нуждается в ином одеянии, кроме как в нежном платье из белого льна. Стая кроликов с сияющим мехом следует за ней не менее верно, чем волки за Госпожой. Там, где ступает Невеста, восходят посевы, и её поцелуй хранит новорождённых да бедняков.

На Востоке хозяйничает Совиный Принц — юноша, сияющий ярче алмазных сокровищниц прошлых и будущих королей. Покровитель

купцов и художников, путешественников и мудрецов, убийц и воров. Одни молятся ему, чтобы убить, а другие — чтобы не быть убитыми. Готов возложить на алтарь фамильные драгоценности с подогретым клубничным вином — и Принц будет следовать за тобой до рассвета, кем бы ты ни был.

На Юге караулит границы Медвежий Страж — покровитель военных и заступник всех обездоленных, чья сила превосходит силу тысячи свирепых берсерков, а сострадание не знает границ. Сырое мясо и уважение к предкам — единственный бог, который не просит о большем. Страж следит за исходом каждой войны и каждого боя, ибо тот, кто держит в руке меч, держится за руку Стража.

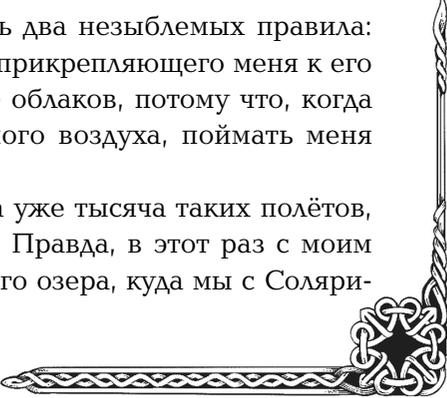
Я не знала, кому из них мне следует молиться, поэтому молилась всем четверым. День ото дня, с утра и до вечера, прося лишь об одном — чтобы отец согласился. На мой тринадцатый день рождения я наконец-то получила его разрешение, а вместе с этим и исполнение своей мечты — мой первый в жизни *полёт на драконе*.

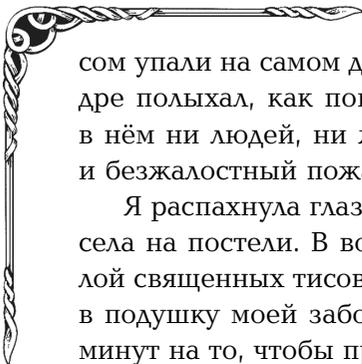
Даже самые дорогие ткани из Ши, славящегося своими искусными портными и тузовыми шелкопрядами, не ласкали кожу так, как это делал ветер над уровнем облаков. Я навсегда запомнила это чувство, жжение в груди и пульсацию крови в висках. Всё моё существо кричало о том, что небеса не созданы для людей. Чешуя — жёсткая и острая, как маленькие ножи, торчащие во все стороны, — цеплялась за одежду и резала пальцы. А свист, с которым крылья резали воздух за моей спиной, оглушал и напоминал первобытную музыку.

Весь Дейдрре казался крошечным сверху, но ещё меньше казались люди, снующие по нему. Отсюда даже можно было разглядеть Изумрудное море и пики заснеженных гор, напоминающие гребни на спинах уснувших драконов. Между такими же гребнями сидела и я сама, прижавшись к хребту Соляриса животом, когда перед глазами вдруг заплясали чёрные пятна, а воздуха стало катастрофически не хватать. Слишком воодушевлённый первым за тринадцать лет полётом, Сол не услышал мой затихающий голос... А затем, окончательно забыв о моём существовании, нечаянно сбросил меня вниз.

С тех пор у нас с Солярисом появилось два незыблемых правила: никогда не летать без специального ремня, прикрепляющего меня к его гребням, и стараться не подниматься выше облаков, потому что, когда я оказываюсь без сознания от разреженного воздуха, поймать меня в случае падения становится ещё сложнее.

Несмотря на то что с того дня миновала уже тысяча таких полётов, во снах мне всегда являлся самый первый. Правда, в этот раз с моим сном было что-то не так... Вместо Цветочного озера, куда мы с Соляри-

сом упали на самом деле, мы провалились в огненное пекло. Весь Дейдрэ полыхал, как погребальный драккар¹ моей матери, и не осталось в нём ни людей, ни животных, ни моего дома — только бесконечный и безжалостный пожар.

Я распахнула глаза и, держась за старые шрамы под рёбрами, резко села на постели. В воздухе больше не пахло гарью и запёкшейся смолой священных тисовых деревьев — только мелисса и лаванда, набитые в подушку моей заботливой няней-весталкой. У меня ушло несколько минут на то, чтобы прийти в себя, исследуя пальцами деревянное изголовье кровати и отметины, оставленные на нём: беркана, соуло, эйваз... Оберегающий став², любовно выточенный зазубренным драконьим когтем много лет тому назад. Почему же вы, древние руны, не работаете?

— Матти, ты спишь?

Я осторожно тронула её рукой, зарытую под медвежьими шкурами на соседней подушке. Из-под них выглядывали лишь её ступни в шерстяных носках, наверняка заледеневшие, как и мои. С наступлением зимы камин переставал справляться со своей задачей, а месяц воя и во все был самым суровым месяцем в году. Даже растопленный тиковыми поленьями и прикормленный вином для пущего жара, камин затухал и превращался в прах уже к утру, если за ним не следить. Чтобы не подхватить воспаления лёгких, приходилось просыпаться несколько раз за ночь и менять жаровню, снова и снова согревая постель.

Я растёрла замёрзшие ноги и, нащупав под шкурой длинную ручку, вытащила оттуда медную сковороду. К счастью, камин ещё держался. Решив не будить Матти, я сама откопала на его дне несколько тлеющих углей и горячую золу, пересыпала их на дно жаровни и, замотав ту в льняную ткань, вернула в постель. Обнаружив источник тепла, Матти тут же вытянулась и обвилась вокруг жаровни, как змея.

Цварк. Цварк!

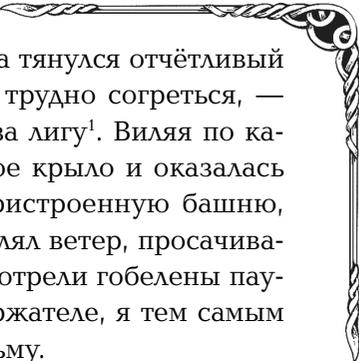
Я стянула с ладоней копоть и запрокинула голову. Крыша ходила ходуном, но уже спустя минуту эта дрожь, сопровождаемая металлическим лязганьем, сместилась на внешние стены башни.

— Глупая ящерица, — пробурчала я, укутываясь в овчину, и направилась к двери, ведомая не столько бессонницей после кошмарного сна, сколько любопытством.

За семнадцать лет посты хускарлов ни разу не менялись: я знала их расположение наизусть — пожалуй, даже лучше, чем названия поко-

¹ Драккар — длинный и узкий деревянный корабль с высоко поднятыми носом и кормой. — *Здесь и далее примечания автора.*

² Став — комбинация рун, образующих магическую формулу, предназначенную оказать какое-либо влияние на человека или предмет.

рённых отцом туатов. Тем более за воинами всегда тянулся отчётливый шлейф медовухи, без которой в месяц воя было трудно согреться, — благодаря этому их приближение чувствовалось за лигу¹. Виляя по каменным коридорам, я быстро пересекла восточное крыло и оказалась в южном, а ещё через пять минут юркнула в пристроенную башню, стоящую особняком от остального замка. В ней гулял ветер, просачиваясь сквозь трещины в камне, а со стен на меня смотрели гобелены паутин. Дойдя до последнего факела в напольном держателе, я тем самым пересекла невидимую границу... и окунулась во тьму.

Несмотря на то что башня состояла всего из одной комнаты, в ней было сложно ориентироваться на память: мебель кучковалась и часто передвигалась, будто никак не могла найти своего места. Выставив перед собой руки, чтобы не убиться о какой-нибудь косяк, я очертила пальцами комод, а затем, шаг за шагом, добралась до письменного стола и нащупала связку свечей. К счастью, серные черенки всегда лежали рядом с ними. Выверенным движением подпалив несколько фитилей, я облегчённо выдохнула, распустив по комнате слабый свет, и огляделась.

— Как холодно, — вырвалось у меня от удивления.

Такой холод был неестественным для местного обитателя. Это настораживало едва ли не больше, чем его непосредственное отсутствие: насколько давно он ушёл, что башня успела так остыть? Я вставила свечи в настенные канделябры возле кровати, а одну взяла с собой, чтобы приблизиться к дырявому креслу, поверх которого лежала открытая книга. Жухлые страницы, затёртая обложка с рунической вязью... В той едва читалось *«Память о пыли»*.

15

— А я говорил, что твоя весталка абсолютно бестолкова. Она даже не научила тебя стучаться!

Визг поднялся к горлу, но, так как подобное случалось не единожды, я тут же проглотила его обратно и обернулась с раздражённым выражением на лице. Если бы не глаза Соляриса, светящиеся в темноте, как огоньки ещё двух жёлтых свечей, я бы даже не поняла, что он уже здесь. Оказывается, стрельчатое окно, выходящее на утёсы Изумрудного моря, было не заперто: оно бесшумно приоткрылось, впуская Сола, и точно так же бесшумно закрылось на щеколду.

Как жаль, что я не заметила этого раньше и не заперла его на улице в назидание!

— Что ты здесь делаешь? — спросил Солярис, решив, что от испуга я, похоже, онемела. Отчасти так оно и было. — Замёрзла и снова при-

¹ Лига — мера измерения длины, равная примерно 1,2 километра, или 1200 шагам в мире Круга.